

КОСТЕНКО Диана Евгеньевна

(Россия, Ставрополь)

*— соискатель ученой степени кандидата филологических наук,
Северо-Кавказский федеральный университет*

**ЭМИГРАЦИЯ КАК ПРИЧИНА
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА
И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ
В РОМАНАХ «МАШЕНЬКА» В. НАБОКОВА
И «ВЕЧЕР У КЛЭР» Г. ГАЗДАНОВА**

Младшее поколение русских писателей-эмигрантов — явление беспрецедентное и своеобразное, явно выделяющееся из общей массы творческой интеллигенции Первой волны эмиграции. Будучи подростками, а некоторые — даже детьми, они становятся свидетелями, зачастую более того — участниками трагических для России исторических событий XX в., изменивших ход всей мировой истории.

Оказавшись лишними в своей стране, потеряв родину, фактически вынесенные на обочину жизни, писатели и поэты младшего поколения, тем не менее, заставили говорить о себе. Хотя зачастую их творчество, идеология, безапелляционность суждений и желание органично влиться в чужеродную среду воспринимались старшими товарищами скептически и даже враждебно. Многие писатели старшего поколения чувствовали в этом настроения, которые они не могли одобрить. Уже с начала 1920-х гг., подпитываемые страстным желанием выразить себя в слове, младоэмигранты один за другим основывают или активно участвуют в разнообразных литературных изданиях и организациях: «Воля России», «Числа», «Новый дом», «Новый корабль», «Новоселье», «Палата поэтов», «Скит поэтов», «Через», «Перекресток», «Кочевье», «Таверна поэтов», «Союз молодых писателей и поэтов». А уже к 1930-м гг. представители «незамеченного» поколения достигают полной творческой зрелости и художественного самоопределения.

1950–1960-е гг. ознаменованы попытками оглянуться назад, проанализировать созданное русской литературной эмиграцией, в том числе творчество представителей младшего поколения, составить их

психологический портрет и вписать в контекст истории. В связи с этим увидели свет множество книг воспоминаний и мемуаристики. В них Г. Адамович, В. Варшавский, Г. Струве, Н. Оцуп, позже — И. Одоевцева, Н. Берберова, З. Шаховская и другие предприняли попытку проанализировать психологическую, онтологическую, творческую ситуацию, в которой оказались писатели-младоземигранты после того, как покинули Россию. Взглянуть на их жизни и работу, пусть пристрастным, но внимательным, человеческим, личным и понимающим взглядом. Мотивы произведений, характер их творчества в целом рассматривается через призму тех событий, которые являются виновниками экзистенциальной трагедии — и вместе с тем личностного и творческого роста молодых художников.

Груз воспоминаний оказывается для них бесценным источником творческой энергии. Для этих людей революция и Гражданская война стали не только серьезным потрясением, но и толчком к формированию нового типа личности с ярко выраженными экзистенциальными чертами, склонностью к рефлексии и схожими эмоциональными реакциями. Например, Н. А. Оцуп пишет о «духовном сдвиге», которым ознаменовалась революция, и о «новом типе человека», готового «стоически смотреть правде в глаза»¹. Будущие известные писатели, поэты, критики, литературоведы обретают определенный роковой балласт, невозможность отделаться от воспоминаний прошлого и нетривиальное восприятие реальности, когда «душе покоя нет». Они навсегда отягощены знанием страшных событий, памятью, навсегда обречены на скитания и одиночество, будучи «выброшенными» за пределы родины. И в произведениях писателей молодого, «потерянного» поколения всегда будет просвечивать этот горький опыт, выражен ли он в трагическом пафосе или прослеживается в лирическом подтексте. Представителям старшего поколения в определенном смысле было легче: они могли жить российским прошлым, опираясь на собственный культурный опыт, которого у «младших» просто не было: его приобретение было насильственно прервано.

¹ Оцуп Н. А. Персонализм как явление литературы // Оцуп Н. А. Литературные очерки. Париж, 1961. С. 127–149.

Мы рассматриваем экзистенциальные особенности младоэмигрантской литературы на примере двух выдающихся писателей «незамеченного поколения» — В. Набокова и Г. Газданова. Люди, получившие совершенно различное воспитание, с разными судьбами, писательскими и человеческими, они все же являются, на наш взгляд, авторами, экзистенциально близкими. Ни Набоков, ни Газданов не стремятся, в первую очередь, угодить массовому читателю, привыкшему к бульварной беллетристике. Их романы «Машенька» и «Вечер у Клэр» представляются нам яркими примерами духовных поисков персонажей, являющихся протагонистами своих авторов, в которых иногда по-разному, но часто и сходным образом открывается состояние постоянного экзистенциального кризиса и ведутся авторские поиски путей выхода из него.

Проза Г. Газданова и В. Набокова представляется нам своеобразным эстетическим феноменом, лаконично синтезирующим в себе классическую русскую прозу и философию, модернистские и постмодернистские элементы. Интерес к сопоставлению литературного наследия авторов проявляли уже их современники: М. Слоним, В. Ходасевич, Н. Оцуп, В. Вейдле. Стоит отметить, что они зачастую обвиняли писателей в безнравственности, отсутствии должного внимания к своим персонажам, хотя, на наш взгляд, причина такого впечатления — как раз экзистенциальный характер их мироощущения, нашедший формально-эстетическое воплощение в романах «Вечер у Клэр» и «Машенька».

Безусловно, славу В. Набокова и Г. Газданова ни в коем случае нельзя назвать равноценной, кроме того, Г. Газданова никак нельзя «баловнем судьбы» и «*crème de la crème*», как часто говорили о В. Набокове. Однако художественное наследие обоих авторов представляется нам одинаково значимым в контексте литературного наследия Русского Зарубежья и истории русской литературы в целом. Кроме того, после публикации в 1930 г. романа «Вечер у Клэр» о Газданове и Сирине заговорили как о двух самых талантливых и перспективных писателях молодого поколения.

В ранних рассказах Газданова образ революционной России неизменно романтизируется, однако «Вечер у Клэр» становится приме-

ром того, как «...молодой человек с “выжженной” после Гражданской войны душой и опытом эмиграции провозглашает тщетность всех усилий, бессмысленность всякого существования...»². У Набокова мы наблюдаем несколько иной характер повествования. Не будучи непосредственным участником Гражданской войны и революции, на протяжении всего творчества он будто испытывает сожаление об упущенной возможности участия в трагических, но часто героических событиях: «Ностальгия подвига как будто жила в Набокове, может быть, потому, что ему было как-то совестно, что во время гражданской войны он никак не участвовал в этом, пусть обреченном на неудачу, действии, в котором участвовало множество его сверстников»³. Его неотступно преследует тоска по России, которую он воплощает в «Машеньке» как воспоминание о своей первой любви. А его отчужденность от тех трагических для России событий, как он сам позже признался, была лишь иллюзией. Об этом говорят также многие сцены из книги воспоминаний «Другие берега»⁴.

На наш взгляд, в обозначенных романах следует выделить явные различия — это и композиционные особенности (многие обвиняли Г. Газданова в отсутствии фабулы, однако, на наш взгляд, композиция «Вечера у Клэр» представляет собой нетривиальный пример того, как, по сути, поменяв местами начало и конец произведения, можно вызвать достаточно бурную реакцию, что, как известно, не вредит популярности его автора), и форма повествования: у Г. Газданова — от первого лица, у В. Набокова — от третьего.

Однако чем глубже мы проникаем в суть двух произведений, тем явственнее ощущаем тождественные, если не идентичные послы авторов, а, кроме того, высокое художественное мастерство первых больших произведений писателей, сходство проблематики их романов, сходные жизненные цели и установки.

² Диенеш Л. Гайто Газданов: жизнь и творчество / пер. с англ. Т. Салбиева. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского ин-та гуманист. исслед., 1995. С. 232.

³ Шаховская З. В поисках Набокова // Шаховская З. В поисках Набокова; Отражения. М., 1991. С. 59.

⁴ См.: Набоков В. Другие берега: роман. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2013.

И Набоков, и Газданов связывают свои ностальгические воспоминания с первым большим чувством. Вообще, мотив воспоминаний о событиях, предшествующих эмиграции, — детстве, юношестве, отрочестве, — становится структурообразующим фактором у обоих писателей. У Газданова это — детские впечатления, рассказы о своей семье, позже — кадетские годы и, наконец, революция и Гражданская война. У Набокова воспоминания прошлого в основном ограничиваются памятью о юношеской любви и связанными с ней переживаниями.

Главных героев набоковской «Машеньки» и «Вечера у Клэр» Газданова роднит ощущение бездомности, чувство безысходности и вечный поиск невозможного покоя, что было характерно для персонажей писателей этого поколения. Здесь мы видим проявление сугубо экзистенциальных мотивов творчества. И Ганин, и Степанов выступают на протяжении всего повествования не как непосредственные участники событий, а как сторонние, сдержанные и чаще всего равнодушные наблюдатели. Как будто они находятся в некоем жизненном вакууме, не считают нужным объяснять мотивы своих действий, не видят смысла в чувственном сопереживании окружающим их людям. Если внимательно рассматривать тексты обоих произведений, становится очевидным, что в них ставятся все основные вопросы экзистенциализма. Мы видим, как индивидуальное сознание героев постигает существование, в котором и Лев Ганин, и Николай Степанов постоянно находятся перед выбором, и он никогда не может стать правильным в традиционном смысле. Их выбор всегда трагичен, при любом решении они не обретут счастья и покоя. Они обречены пребывать в постоянном поиске из-за невозможности обретения свободы в этом мире, зависимости от общества и условий, в которые ставит их жизнь.

Следует выделить характерные для экзистенциализма в прозе как Г. Газданова, так и В. Набокова основные понятия, категории экзистенциального мировосприятия, которые определяют содержание характеров персонажей: категория «абсурдность, бессмысленность существования» (о чем говорит отрешенность главных героев, их привычно равнодушный взгляд на других персонажей и события,

происходящие вокруг, чуждость обывательским темам и волнениям); категория «одиночество» (характерное и для Соседова, и для Ганина); категория «смерть» (особенно полно отраженная и обсуждаемая у Газданова). Каждая из них становится предметом прямого или непрямого рассуждения рассматриваемых нами авторов.

Экзистенциальный кризис глобального масштаба, кризис поколения Набокова и Газданова, вызванный эмиграцией и связанными с ней неудобствами, лишениями, неустроенностью и не востребованностью, чувством болезненной ностальгии, воплощается в их произведениях в форме кризиса локального масштаба — из-за определенного этапа личных отношений, их начала или конца. Читая оба романа, мы приходим к выводу, что счастье для персонажей-авторов невозможно, недостижимо, как недостижимо для них состояние душевного покоя. В этом открывается парадокс и закономерность экзистенциального учения — постоянные попытки обретения гармонии и абсолютная невозможность этого. Оказавшись в положении обладателя желанного объекта (Николай Соседов проводит ночь с Клэр) или в положении героя, который находится буквально на пороге исполнения своей мечты и обретения счастья, они оба понимают, что это невозможно. Николай с грустью констатирует: «...я жалел о том, что я уже не могу больше мечтать о Клэр, как я мечтал всегда; и что пройдет еще много времени, пока я создам себе иной ее образ и он опять станет в ином смысле столь же недостижимым для меня, сколь недостижимым было до сих пор это тело, эти волосы, эти светло-синие облака»⁵. Лев Ганин вдруг понимает, еще не встретив Машеньку, о чем он так страстно мечтал, что «роман с его Машенькой кончился навсегда... ..и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминанием»⁶. Отождествляя себя со своими персонажами, авторы понимают, что той России не вернуть и в Россию не вернуться, что забыть предшествующие эмиграции трагические события (и важно не только участие в них, важно само знание), а значит, обрести

⁵ Газданов Г. Вечер у Клэр; Возвращение Будды: романы. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. С. 17.

⁶ Набоков В. Машенька: роман. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. С. 183.

счастье невозможно, и все попытки это осуществить априори обречены на провал.

Тот же мотив мы видим в воспоминаниях героев. Например, Николаю часто снится один и тот же сон, в котором он идет мимо своего дома, но не может в него зайти, потому что «нужно двигаться дальше». Вообще, тема путешествия и сна является неотъемлемой частью прозы обоих авторов не только в названных произведениях, но и в последующей прозе.

Характерной для экзистенциальной философии является мысль обоих авторов, преследующая читателя на протяжении всего повествования, о том, что любой индивид несет ответственность за собственные поступки лишь в случае, когда действует по своему личному желанию, обладает свободой воли и свободой выбора реализации своих действий. А так как абсолютной свободы в нашем мире и обществе быть не может (либо ее ценой будет только смерть), любая ответственность становится категорией относительной и ее значение является спорным.

В итоге всех рассуждений становится пугающей, но явной и логичной мысль о том, что выход из экзистенциального кризиса, обретение счастья экзистенциальным героем или удовлетворенность этим счастьем недостижимы. Возможна лишь жизнь с постоянными неудачными попытками обрести счастье и с неизменным предчувствием смерти. Эти сугубо экзистенциальные ощущения пронизывают оба романа от начала и до конца. Набоков в этом случае более дальновиден, он априори сознает, что вернуть былое будет невозможно, и его героя постигнет жестокое разочарование. На этом примере старик Подтягин в «Машеньке» представляется нам персонажем-метафорой. Можно предположить, что, если бы его стремление к переезду в Париж не было столь сильным, если бы он всеми силами не пытался достичь цели, осуществить мечту, с ним бы не произошло несчастье.

У обоих писателей, особенно у Газданова, в данных романах (а у Набокова — в более позднем творчестве) крайне актуализированной становится тема «множественной смерти». Граница между жизнью и смертью буквально стирается на фоне постоянной рефлексии,

герой «умирает» и «возрождается» от болезненных и порой пугающих погружений в собственный мир. Часто упоминается ощущение присутствия другого себя, альтер-эго персонажа. Николай Соседов, например, не раз переживает «пробуждение от смерти». Все это также характерно для экзистенциального сознания.

В творчестве обоих писателей, как и в творчестве многих писателей-младоемигрантов — Б. Поплавского, А. Гингера, В. Смоленского, И. Савина, В. Андреева и других, — мы явственно наблюдаем переход в новую литературную эру, начало формирования поэтики постмодернизма в противовес модернизму в русской литературе рубежа веков. Для новых форм становятся характерными множество повествовательных линий, мирное сосуществование в тексте различных картин мира, практическое отсутствие фабулы, экзистенциальная рефлексия персонажей, децентрация сюжета. Цепочка воспоминаний героев влечет за собой ассоциативный ряд, который возникает вследствие пристального внимания персонажей к незначительным, на первый взгляд, предметам, деталям и реакциям окружающих людей. Кроме того, многие из присутствующих, к примеру, газдановским текстам особенностей, которые с точки зрения классической поэтики могли восприниматься как недостатки, впоследствии становятся его достоинствами, отличительными чертами и притягательными для интеллектуального читателя чертами.

Частичным решением экзистенциальных проблем (неразрешимых в принципе) у обоих писателей становится смирение перед ними (даже у отнюдь не склонного к смирению Набокова герой передумывает возвращать Машеньку, т.е. прошлое, юность, Россию, поняв, что это невозможно), признание неспособности достижения счастливого просветления и успокоения души. Отречься от призрачной возможности счастливой жизни, невозвращение к местам и надеждам прошлого для их воплощения в настоящем — вот единственный способ выживания в условиях оторванности от родины, необходимости интеграции в чужую действительность. Эти печальные выводы представляются нам вполне естественными для дальнейшего жизненного пути персонажей как у Набокова, так и у Газданова. Они оба обречены на душевные скитания и смириться с этим — значит избавить себя от еще более тяжелых душевных терзаний.

Эмигрантские судьбы Набокова и Газданова чрезвычайно различны. И, хотя Газданов фактически оказался в тени В. Набокова, выверенность и блеск их литературного языка, тонкость восприятия, их экзистенциальные поиски, постоянная рефлексия и глубина проникновения в человеческую душу, характер героя и тип конфликта дают нам основания для их сопоставления и утверждения об определяющей роли экзистенциального художественного сознания в творчестве писателей-младоземигрантов.

Аннотация: В статье обсуждается выявление характерных признаков экзистенциального самосознания младшего поколения писателей-эмигрантов первой волны и попытки выхода из экзистенциального кризиса в творчестве В. Набокова и Г. Газданова.

Summary: Identification of the characteristic features of existential consciousness of the younger generation of writers of the 'First Wave' of emigrants and attempts to exit the existential crisis in the works of V. Nabokov and G. Gazdanov are discussed.

Ключевые слова: белая эмиграция, младоземигранты, экзистенциальное сознание.

Keywords: white emigration; young emigrants, existential consciousness.

